

Две матери

Эту невыдуманную историю мне рассказала сравнительно молодая, но уже седая женщина. Есть имена, есть фамилии, но я специально не называю их. Пишу примерно с её слов.

Чёрные, обожжённые, обугленные дома. Стены, держащиеся на каких-то пучках арматуры и прутьях, пустые глазницы окон, срезанные снарядами балконы, горящие крыши. Полуразрушенные стены со следами от пуль и снарядов, с улицы видная в квартирах поломанная мебель, груды кирпича и бетона. Таков был Грозный в первую Чеченскую году. Война шла за каждый дом, каждый подъезд, каждый этаж. Но особо две стороны схлестнулись за здание почти в центре города. Уж очень удобное было место, откуда можно было держать под обстрелом большую территорию и навязывать свою волю противнику.

До войны обычная пятиэтажка, теперь пустой, грязный и холодный дом, весь в копоти и дырах. Он, как огромный ржавый корабль на берегу, стоял среди этого горя и беды и, казалось, думал: «Люди, что Вы делаете?».

Весь дом был пустой, без единой души. Все, кто хотел, уже давно разъехались, бежали из него. И только на одном этаже остались две семьи, две матери с сыновьями - подростками - русская и чеченка.

До войны оба паренька дружили, ходили в одну школу. У обоих не было отцов и это как-то сближало их. Уже почти окончивая школу, они строили планы на будущее. Один собирался в медицинский, другой мечтал о спортивном факультете. Война все поломала. Без воды, без света, практически без еды, кутаясь в остатки вещей, они надеялись пережить войну.

Потом попеременно приходили то солдаты, то боевики. Пять раз дом переходил из рук в руки. В зависимости от того кто приходил, били и вели на расстрел то чеченского парнишку, то русского. И те и другие злобствовали, матерились, стреляли по верху голов. Русские кричали: «Чечен? снайпер?» и тащили на расстрел. Русская мать кидалась в ноги и просила «Сынки, не стреляйте. Это мой сын!». Приходили чеченцы и орали «Русский? Вытаскивайте его!» Тогда кидалась чеченка, плача и крича что-то на чеченском. Примерно за сутки пять раз дом переходил из рук в руки и пять раз то одного, то другого выводили на расстрел.

К утру оба мальчика поседели, вместе с ними поседели и их матери.

Уже в конце, когда совсем ушли те и другие, обнявшись, плача и не стесняясь слёз, они поклялись друг другу никогда не забывать пережитое и завещать свою дружбу своим будущим семьям и навсегда остаться самыми близкими родственниками.

Р.С. Для Юрия Монтёвского
Николая С. Фоминича В.Е.